

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Герой

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Герой / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 52 с.

ISBN 978-5-519-99160-5

ISBN 978-5-519-99160-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

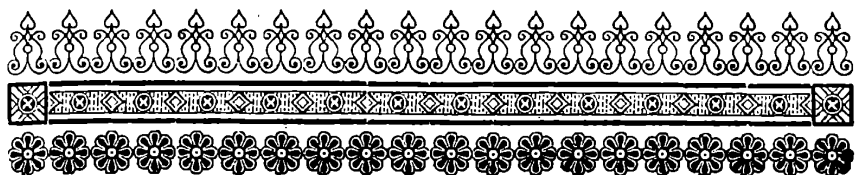
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Есть впечатлѣнія, которыя хотѣлъ бы забыть, — да нельзя! Такъ и стоять передъ тобой вѣчнымъ кошмаромъ. Кажется, сколько съ *тѣхъ* поръ жизнь нагородила кругомъ и радостнаго, и горькаго! Цѣлое кладбище выросло позади, и изъ-подъ каждаго могильнаго холма на немъ улыбается тебѣ милое и дорогое лицо! Не мало сооружено и рухнуло картонныхъ вавилонскихъ башенъ. Смѣшеніе языковъ и понятій сбило съ толку, такъ что и не разобраться, а только останешься одинъ, да обойметъ тебя тишиной, — и сейчасъ же отъ всего сегодняшняго и вчерашняго ни слѣда... Богъ вѣсть откуда, изъ какихъ потемокъ, точно сейчасъ пережитая, подымается старая быль. Все, что *тогда* прошло легко и просто, вдругъ начинаетъ томить и мучить. Совѣсть ничего не забываетъ и никогда не прощаетъ. Это именно тотъ адъ, который мы носимъ въ душѣ. На далекомъ югѣ есть

такія долины. Днемъ, подъ солнцемъ—рая не надо. Все блещетъ, искрится, благоухаетъ. Земля задыхается въ обилии творческихъ силъ. Выбрасываетъ изъ себя пышную зелень,—гонитъ все выше и выше непомѣрные великаны и одѣваетъ ихъ вѣтвями съ доброе дерево. Осыплетъ каждую жадно и страстно раскрывшимися дивными цвѣтами. Чаша-чашей такая долина, попадешь туда и наглядѣться не можешь... Но берегись ея сѣрою ночью и прохладными утренниками. Не успѣетъ солнце зажечь на вершинахъ горъ прощальныхъ огней,—какъ со дна этой чащи подымается густой тяжелый, насвозь проникающій паръ. Запоздаешь въ туманѣ,—и, самъ чувствуешь, гнилая лихорадка стучится тебѣ въ грудь, перехватываетъ дыханіе. Кругомъ ничего не разглядѣть,—повсюду развѣшены сѣрыя плотныя завѣсы. Только ухо улавливаетъ вдали грозное рыканье тигра и назойливый, подлый, трусливый и голодный вой чекалокъ. Не знаешь, куда уйти и спрятаться отъ недавняго рая...

II.

Именно такое воспоминаніе—и наша война за славянъ. *Тогда и тамъ* всѣ ея ужасы скользили по душѣ. Гнилые походные лазареты, гдѣ на прогнившей и мокрой соломѣ, подъ прогнившими и мокрыми шатрами, въ зараженномъ вонючемъ воздухѣ умирали тѣ, кто могъ бы еще подняться

и жить. Везуть мимо телѣги по сквернымъ дорогамъ, тряскія, на скрипучихъ колесахъ, а въ этихъ телѣгахъ—живое и чувствующее мясо: люди съ разбитыми костями. Каждый шагъ лошади заставляетъ ихъ болтаться, какъ барановъ, которыхъ связанныхъ везуть на рынокъ. Видишь и слышишь, заносишь въ книжку,—но нервы молчатъ. Только что минуешь страшную процессію раненыхъ, отправленныхъ изъ боевыхъ госпиталей въ города, вдругъ новая: несутъ свѣже-продыравленныхъ и исковерканныхъ людей на носилкахъ. Сквозь, на землю, по слѣду сочится кровь. Слышны стоны, видны потемнѣвшія отъ муки лица, съ сжатыми зубами и плотно смежившимися вѣками. А вдали глухо громяхаютъ пушки, и трещитъ жадная бѣшенная перестрѣлка... Отчего же не тогда, а теперь въ душѣ подымается ядовитымъ, перехватывающимъ всякую мысль, туманомъ: за что? Что они сдѣлали, передъ кѣмъ провинились?

III.

Но среди воспоминаній, вызывающихъ жалость и тоску,—какъ голубые просвѣты въ тучахъ—встрѣчаются и другія. На нихъ съ отрадою останавливается сердце и ищетъ оправданія совершившемуся. Большею частію, такіе голубые просвѣты соединяются съ образами людей простыхъ, невидныхъ, составлявшихъ, какъ казалось тогда, только фонъ. На этомъ сѣроватомъ фонѣ выдѣлялись

крупные люди и громадныя событія, но фонъ оставался фономъ, и только нынче изъ него выступаютъ напвыныя лица и, точно упрекая, говорятъ безъ словъ: «Пора бы и о насъ. Вглядиcь, и ты увидишь, что наша незамѣтная жизнь поучительнѣе другой, блестящей и шумной, наполнившей цѣлый міръ собою».

IV.

Среди писемъ, ожидавшихъ меня въ Петербургѣ, былъ конвертъ, написанный незнакомою рукой. Посланіе оказалось большое, читать его мнѣ не позволило время. И только теперь я, на досугѣ, обратился къ нему. Сверху нѣсколько строкъ, совершенно инымъ почеркомъ: «Дядя, умирая, взялъ съ меня слово непремѣнно послать вамъ эту тетрадку. Вы не разъ называли его въ письмахъ съ войны, и онъ, по его собственному выраженію, очень тяготился этимъ. Причины вы узнаете, прочтя его «исповѣдь». Въ шутливыя минуты онъ себя чистилъ вороной въ павлиньихъ перьяхъ, случалось даже—«зайцемъ въ лъвиной шкурѣ».

«Мы всѣ, его племянницы, относились къ этому, какъ къ чудачеству старика, и только теперь убѣдились, что онъ былъ правъ. На словахъ онъ просилъ васъ написать объ этомъ непремѣнно, иначе «его костямъ будетъ безпокойно въ могилѣ». Въ послѣднія минуты онъ прошепталъ, когда

я наклонилась къ нему: «Цѣлую жизнь морочилъ всѣхъ. Бодрости не было сознаться. Авось теперь съ меня сойдетъ грѣхъ. Людей надуть можно,—а вотъ Бога...» Да, еще забыла! Онъ никогда не носилъ своего Георгіевскаго креста, а на наши разспросы отмахивался и былъ недоволенъ. Мы приписывали это его поразительной скромности, а также удивлялись, почему, очень небогатый и даже порою нуждающійся, онъ не ходатайствовалъ объ усиленномъ пенсіонѣ, на который ему давали право какъ этотъ крестьянинъ, такъ и особыя заслуги».

У.

Передо мною такъ и воскресъ Сергѣй Филипповичъ Нетяевъ. Ужъ не помню, кто,—кажется, я же называлъ его водолазомъ. Это дѣйствительно былъ громадный, кудлатый, неуклюжій водолазъ. На головѣ—шапка курчавыхъ волосъ,—ворона и та бы позавидовала. Именно, какъ смоль. Брови—распредѣли ихъ на любую лысину, достаточно будетъ. Борода—чуть не изъ-подъ глазъ и тоже войлокомъ сбита, и среди всей этой, болѣе чѣмъ тропической, растительности необыкновенно добродушные и подчасъ даже робкіе глаза. Особенно, когда ему приходилось встрѣчаться съ генераломъ. Давно ли, кажется, на весь міръ щетинился: дикобразъ-дикобразомъ, а покажется издали его превосходительство, улизнетъ куда-то,—

только его и видѣли. И начальникъ дивизіи, съ своей стороны, такъ его и понималъ. «За чѣмъ такіе служить, — негодовалъ онъ. — Ну, куда я его суну? У него загодя — страхъ въ глазахъ. Ему бы въ монахи, — а онъ ротой командуетъ. Хороша и рота у него будетъ! Я воображаю, трусь на трусь. А снять съ мѣста нельзя. Такъ онъ исправень и солдата любить. Бережетъ... За казенный интересъ горой. Что мнѣ съ нимъ дѣлать, когда мнѣ боевые нужны?»

VI.

Доброты онъ былъ неописуемой. Съ чѣмъ только не лѣзли къ нему солдаты! Другой бы — сунься къ нему — турнулъ, а этотъ не только выслушаетъ, но и разстроится на нѣсколько дней, если помочь не въ его силахъ и средствахъ.

Наказать солдата онъ никакъ не могъ. Книжится, бывало, кажется, попадись ему на глаза, живьемъ разорветъ. А явится провинившійся, — Сергѣй Филипповичъ только за голову хватается: «Что ты, подлецъ, со мною сдѣлалъ? Предамъ я тебя суду, — вѣдь подъ разстрѣлъ, и потомъ всей ротѣ стыдъ и поношеніе.» А «подлецъ», — дай Богъ глазамъ здоровья, — отмигивается, стоитъ и въ струнку тянется. «Я вѣдь тебя знаю, — изъ себя выходитъ Нетяевъ. — Я твою душу насѣвозъ вижу, какая она. Ты что думаешь, — обойдется капитанъ? А вотъ и не обойдусь. Да, вотъ и не обойдусь.

Въ гробъ тебя заколочу... Что же ты, мерзавецъ, прощенія не просишь?» Но, надо сказать правду, солдаты отъ этого не дѣлались хуже. Напротивъ, берегли его. «Енъ доберь. Енъ карцьею грозитъ, топочеть, а потомъ, такъ что—пошелъ вонъ, дуракъ. И ужъ опосля не вспомнить». Когда, по условіямъ военнаго времени, солдаты плохо ѣли, у него, дѣйствительно, душа болѣла. Цѣлыя ночи раскидывалъ умомъ, откуда бы говядину привести. Именно привести, потому что къ намъ ее на ногахъ гнали. «Нѣтъ скота, да и только—весь разобрали. Сказываютъ, вели къ намъ быковъ, да по пути корпусный встрѣтился, приказалъ ихъ къ себѣ. У него два полка голодаютъ. А моя рота, позвольте васъ спросить, чѣмъ виновата?» Разложить костры,—онъ уже бѣгаетъ по ротнымъ котламъ, не обидѣли ли солдата. Нѣтъ мяса,—чуть не плачетъ. Какъ онъ не боялся «генерала», а разъ такое выкинулъ, что мы диву дались. Откуда у него храбрость взялась!

VI.

Попался солдатъ, и солдатъ-то былъ аховый, скверный. Даже свои его «пакостникомъ» звали. Но водолазъ почему-то вовсе не считалъ его такимъ. Во-первыхъ, «пакостникъ» былъ изъ города и самъ себя называлъ образованнымъ человекомъ. Во-вторыхъ, умѣлъ необыкновенно чувствительно оправдываться и при случаѣ даже пла-

калъ. Въ-третьихъ, Нетяеву онъ казался необыкновенно храбрымъ, потому что разъ пьяный кричалъ на весь лагерь: «Я въ человѣчьей крови захлебнусь, а покажу имъ, какова четвертая рота! Такъ что безъ трехъ Георгіевъ несогласенъ!» На этотъ разъ смастерилъ онъ совсѣмъ несообразное, такое, что и отъ генерала скрыть нельзя было,—и «образованнаго человѣка» арестовали, и не только арестовали, но его превосходительство рѣшилъ, «въ примѣръ прочимъ», предать его военному суду. Адъютантъ сообщилъ Нетяеву: «а вашего-то на сей разъ ужъ, навѣрное, разстрѣляютъ!» Сергѣй Филипповичъ, было, растерялся, даже со слѣпу тявкнулъ:— «ну, это аттандесь, я не позволю. Съ этимъ не шутятъ. Онъ тоже человѣкъ, какъ и мы съ вами. Душа-съ бессмертная».

VIII.

«А вѣдь его «для примѣру-то», пожалуй? А? Какъ вы думаете? Потому генералу этотъ примѣръ ничего не стоитъ?»—тормошился онъ. Обѣд подали,—не ѣлъ, все Кирилку вспоминалъ. Вспоминалъ, вспоминалъ Кирилку Сергѣй Филипповичъ и осмѣлѣлъ. Никто отъ него не ожидалъ. Одѣлся по формѣ. Выходить. Я ему навстрѣчу. Куда вы это, капитанъ?—Перекрестился.—Я сегодня ожесточенъ-съ... По чужую душу иду... Къ его превосходительству.—Вы!—Да, какъ есть. Вы

бы того со мною... Онъ васъ любить. Ну, да теперь все равно, я ужъ рѣшился!..

Я еще ни разу не видѣлъ его оцетинившимся до такой степени. Весь дыбомъ всталъ человѣкъ.

IX.

Генералъ былъ въ хорошемъ настроеніи.—Что угодно-съ? —спросилъ генералъ офиціальнымъ тономъ.—Милости просить у вашего превосходительства.—Какъ, милости?..—Не предавать суду Кирилла Ефимова... — Это, который ночью къ маркитанту влѣзъ и цѣлый ящикъ коньяку у него стащилъ?..—Точно такъ-съ, ваше превосходительство, но, помилуйте, вѣдь, какой и коньякъ-то, одно слово „коньякъ“, а въ сущности, какъ бы керосинъ бакинскій! Генералъ послѣ рассказывалъ: „самъ (Нетяевъ) говоритъ и жмурится, — страшно ему. Вотъ-вотъ расплатится. И мнѣ противно стало. Въ военное время разстрѣливать солдатъ, когда ихъ и безъ того каждый день турки разстрѣливаютъ... Я, собственно, обрадовался, что за него просятъ. Все-таки не я допустилъ слабости, но для формы, нельзя же, закричалъ на Нетяева: „да вы понимаете, за какого мерзавца хлопчете? Вы-то о двухъ головахъ? Да я васъ!..“ И осѣлся. Смотрю, а у того колѣни дрожать... Поблѣднѣлъ изъ-подъ своей щетины. Хотѣлъ что-то отвѣтить, а у него въ горлѣ только урчитъ. И вдругъ слезы градомъ... „Вы,—наконецъ, собрался

съ духомъ, — вы, генераль, думаете, что мнѣ своего солдата не жалко? Легко мнѣ къ вамъ идти просить?... Вѣдь, на турецкій редутъ не такъ опасно“!..

Х.

Кирилку выручили. Маркитанту за его керосинъ заплатили. Ефимовъ тоже не избѣжалъ надлежашаго воздаянія, по крайней мѣрѣ, долго послѣ ходилъ опухшій, а при встрѣчѣ съ фельдфебелемъ пугливо копошился, какъ нечаянно настигнутая въ кустахъ куропатка. Но скоро мы все объ этомъ забыли. Начались эпическія побоища. Наши войска таяли на глазахъ. Все дороги кругомъ покрывались обозами съ больными и ранеными. Въ сторонѣ гнили палые кони, и по ночамъ бездомныя собаки оставленныхъ деревень совершали надъ ними валтазаровы пиршества. Вокругъ Плевны собирались русскія войска, точно на пологихъ холмахъ кишмя-кишѣли муравьиныя кучи. Солнце еще жгло, но въ утренникѣ чувствовалось холодное дыханіе осени. Въ идиллической тишинѣ придунайской Болгаріи на югѣ, на западѣ и на востокѣ раздавались глухіе удары дальнобойныхъ орудій. Готовились трагическія событія, Противники сдвигались, пробуя силы другъ друга. Массы заслоняли личность, не до Нетяева съ его ротой было въ это время. Жалкая боевая ячейка, что она значила тамъ, гдѣ гибли тысячи,